

Весна в Цзиньлине в этом году выдалась на редкость короткой.

К середине апреля затяжные дожди принесли не прохладу, а удушливый зной, превратив огромную столицу в парящую баню. Воздух стал настолько липким, будто тысячи невидимых раскаленных игл прошивали кожу, проникая под самую плоть. Людьми овладевало смутное, лихорадочное беспокойство.

На исходе этой тягучей весны, когда зной становился невыносимым, по столице прокатился слух — неожиданный, точно раскат грома. Император Вуле решил провести обряд Очищения духа над Духовной птицей прямо перед Императорским храмом предков. Только так можно было унять непрекращающиеся споры при дворе.

Событие было исключительной важности. За всю историю Великой Инь лишь великие ритуалы Шести церемоний, требующие личного присутствия Сына Неба, достаивались того, чтобы тревожить покой предков в Императорском храме.

Но в то же время обряд казался неизбежным. Волнения в защиту Духовной птицы уже докатились до Шаньдуна и Чжили. Сторонники примирения, особенно те, кто был близок к уделу Хань, затрепетали, точно вспугнутые птицы, и подняли отчаянный протест, требуя от императора объяснений.

Спустя всего несколько месяцев мятеж в Цзичжоу едва не вспыхнул вновь — на сей раз в самом сердце столицы, пусть и острое заговора было нацелено на иную жертву.

День казни настал быстро.

Члены императорского рода Чу собрались в полном составе. Нашлось место и старым вассалам из удельных земель — тем самым, что в последние дни усерднее всех сеяли смуту. Цзян Цзе непрестанно утирал холодный пот: величественное и суровое безмолвие храма предков давило на него невидимым грузом.

Внезапно его укололо раскаяние. Стоило ли так упорно идти напролом? Во всем виноват таинственный монах, незванным гостем явившийся в его сны и толкнувший на этот шаг.

— Император прибыл! — провозгласил глашатай.

Цзюнь Жухэн с трудом поднял налитую свинцом голову. Сквозь толпу, мимо облаченного в темные церемониальные одежды императора Вуле, он сразу же выхватил взглядом Наследного принца. Чу Яо был одет в лунно-белый халат, подпоясанный ремнем с охотничьим узором и драгоценными бляхами.

Он казался безупречно чистым, точно бледная луна, застывшая над недостижимой горной высью.

Цзюнь Жухэн внезапно порадовался, что Вэнь Кань проявил милосердие и велел переодеть его перед казнью. Пусть его вид не отличался парадным лоском, но он хотя бы не выглядел жалко. Это придало ему смелости послать Чу Яо ободряющую улыбку, однако ответный взгляд заставил его замереть: принц, вопреки обыкновению, надел свои очки в тонкой оправе.

«Неужели в Восточном дворце решили, что эта встреча станет для них последней?»

Горькая усмешка застыла на его губах, но в груди вопреки всему затеплилось незванное тепло.

— Приступить к казни, — коротко повелел император Вуле.

Даос Юйсун, являя собой образец неземного величия, медленно взошел на алтарь.

Суть Очищения духа заключалась во взламывании духовной обители — метода, примененного обычно к незрелому сознанию. Сила небесной грозы должна была сокрушить преграды разума, а очищающее пламя — выжечь изнутри всю муть, подобно тому как нож мясника срезает наросшую гнилую плоть, возвращая духу и телу их первозданный вид.

Но даосу Юйсуну предстояло сделать еще один шаг: вырвать духовное сознание Цзюнь Жухэна и запечатлеть его в водном зеркале.

Подобное истязание в лучшем случае лишало рассудка, в худшем — калечило саму основу жизни. Цзян Ли не преувеличивал, когда говорил, что это испытание сродни настоящей смерти.

Кровь послужила проводником, талисман — ключом.

Три струйки сизого дыма устремились ввысь, соединяя землю с небесами. Небо мгновенно потемнело. Со всех сторон поползли грозовые тучи, вздымаясь зловещими хребтами, пока весь небосвод не окрасился в цвет пролитой туши.

Хотя стрелка солнечных часов близилась к полудню, вокруг воцарился мрак вечной ночи. Придворные затихли. В этой звенящей тишине слышалось лишь их прерывистое, паническое дыхание.

Никто не знал, что произойдет в следующий миг. Страх перед неведомым расползлся по толпе подобно чуме, и в умах присутствующих билась одна и та же зловещая мысль.

Небесная кара.

Даос Юйсун вскинул руку к небесам, выкрикивая гортанное заклинание, и в ту же секунду яростная молния ударила в алтарь, заливая всё вокруг слепящим белым светом!

В ушах Цзюнь Жухэна гроыхнуло с такой силой, что он разом лишился всех чувств. Тело его забилося в судорогах. Кляп не помешал зубам прокусить язык — алая струйка поползла по подбородку, пятная воротник.

Следом грянули еще два удара.

Цзюнь Жухэн судорожно запрокинул голову. Под натянутой до предела бледной кожей шеи отчетливо забилась живая артерия.

Чу Яо подался вперед в своем кресле. За стеклами очков в его глазах вспыхнуло едва уловимое пламя.

Император Вуле покосился на сына, сухо заметив:

— Не знал, что Наследный принц так печется о какой-то пичуге.

Вэнь Кань тоже перевел взгляд на юношу, ловя малейшие изменения на его лице, и глаза его сузились.

— Ваше Высочество не тревожится, — негромко произнес он. — Он предвкушает.

Прежде безжизненное море сознания Цзюнь Жухэна внезапно взбунтовалось, вскипая бурными волнами. Хлынули картины прошлого: мятеж в Цзичжоу, дева-змея, каменные древоточцы и та кошмарная ночь, когда неведомая тварь завладела телом принца Яня.

Память возвращалась все стремительнее, восстанавливая утерянные крохи прошлого. Еще задолго до того, как его заманило в свои сети окружение принца Яня, Духовная птица долго скиталась среди смертных. Не помня себя, не зная своей родины, он скользил по земле бесприютной тенью. Но каждое утро, едва открыв глаза, он думал лишь о возрождении Духовного мира — пусть даже тот давно лежал в руинах.

Хотя сам этот мир в его сознании оставался лишь смутным наброском, зыбким призраком. Духовная птица раз за разом теряла память. Последнее забвение настигло его в ночь полнолуния, незадолго до того, как его преподнесли Чу Яо.

Ему во что бы то ни стало нужно было повернуть колесо памяти еще дальше вспять.

Ветер вздымал тучи пыли и мелких камней, косой дождь нещадно хлестал по алтарю. Мокрые пряди облепили бледные щеки Цзюнь Жухэна. На его бескровном лице алели лишь губы, испачканные кровью, а по трепещущим ресницам струилась вода.

Чу Яо не мог оторвать от него взгляда. Прежде он порой задавался вопросом: как выглядит

крушение столь чистого и сильного существа?

Но Наследный принц и представить не мог, что эта картина окажется настолько завораживающей.

Перед началом обряда Цзюнь Жухэн, наперекор всем уговорам Чу Яо, заблокировал связь Контракта согласия сердец. Однако три удара молнии почти полностью выжгли его духовные силы. Заслон пал, и Чу Яо захлестнула чужая боль — огненное лезвие клинка, вспарывающее грудь и выворачивающее душу наизнанку.

Кровь в жилах закипела, уничтожая остатки разума. Тело принца, вечно холодное из-за застарелого недуга, впервые познало этот яростный, пожирающий жар. Боль терзала его, но на самом пороге гибели Чу Яо содрогнулся от дикого, извращенного восторга.

За его лицом пристально наблюдали.

— Его Высочество чувствует каждую рану этой птицы, — вкрадчиво заговорил Вэнь Кань, тщательно подбирая слова. — Однако в его взгляде нет гнева. Скорее изумление. И... я вижу на его лице глубокое удовлетворение.

Он замолчал на миг, сиюсь выразить догадку:

— Будто то, чего он так долго вожделел, внезапно свершилось у него на глазах.

— Довольно, — оборвал его император Вуле, недовольно процедив сквозь зубы: — Ничтожная порода.

Обряд продолжался. Потоки чужого знания с ревом проносились сквозь его сознание. Из этого хаотичного вихря Цзюнь Жухэн сумел выхватить лишь одно странное, неведомое ему прежде имя: Ось Девяти Инь.

Перед тем как лишиться памяти, Духовная птица упрямо искала Драконью жилу — в этом деле его прежняя суть была куда искушеннее нынешней. Местом его пленения стал Ганьчжоу, что близ дамбы Иньшань.

Судя по всему, Ось Девяти Инь являлась ключом к пробуждению этой силы. Иными словами, отыскав ее, он приблизится к своей заветной цели — возрождению Духовного мира.

— Явись, зеркало! — выкрикнул даос.

Бешеный порыв ветра ломал флагштоки вокруг алтаря. Испещренные темными письменами талисманы яростно трепетали, едва удерживаясь на месте.

Юйсун силой подавил растущую тревогу. Он резко опустил персиковый меч, вонзив его в каменный помост, и над его головой оглушительно загрохотало.

Он быстро забормотал зловещие, скороговоркой произносимые слова заклятия. Этот безжалостный способ позволял вырвать воспоминания птицы за одно мгновение.

Пусть даже ценой этого станет полное безумие несчастного существа.

— Восстань, дух! — выкрикнул он.

Раздался оглушительный треск, и водное зеркало, предназначенное для удержания воспоминаний, разлетелось на куски. Острый осколок полоснул Юйсуну по веку. Вспышка боли — и лицо даоса залила кровь.

У Чу Яо дрогнули веки. Стоявший внизу Цзян Цзе испуганно вскрикнул:

— Как такое возможно?!

Император Вуле лишь глубже откинулся на спинку кресла, скользнув быстрым взглядом по толпе.

«Я успею одурманить его разум до того, как его воспоминания предстанут перед всеми. Я знаю, как бушует его Сердечный демон... Когда это случится, у вас появится тысяча причин объявить его чудовищем, и никто не посмеет перечить», — хрипло шептал тогда Тушань, с трудом шевеля разбитыми губами.

Император Вуле мысленно признал: пускай лисы из Клана Тушань — одного из трех столпов Духовного мира — уступали другим в боевой мощи, их умение опутывать разум ложью воистину не знало равных.

Цзюнь Жухэн не успел глубже вникнуть в тайны Драконьей жилы. Поток воспоминаний резко ускорился, унося его разум вглубь веков — на сотни лет назад.

Сквозь плотную пелену тумана он словно перенесся в эпоху сотворения мира.

На Вершине Трех Великолепий грохотал гром. Последняя чистая обитель Духовного мира обратилась в пепел. Едва удерживаясь на ногах среди бушующего пламени, Цзюнь Жухэн слушал предсмертные стоны своих собратьев, доносившиеся из очищающего огня. Ледяная пустота и растерянность сжали его сердце.

Он не понимал, как все могло закончиться столь сокрушительным крахом.

— Владыка, спасайтесь! Барьер пал, мы не устоим! — отчаянно зывали к нему.

Цзюнь Жухэн обернулся. Перед ним стояла дева-змея — та самая, которую он встретит много веков спустя на крепостной стене Цзичжоу.

Он не слушал ее. Резко оттолкнув девушку, он попытался собрать последние крохи духовной энергии, готовый совершить невозможное — воздвигнуть последний рубеж обороны. Но силы утекали сквозь пальцы, словно сухой песок. Тяжелый меч со звоном выпал из его рук, высекая снопы искр, и Цзюнь Жухэн, точно лопнувшая струна, бессильно осел на землю.

— Владыка, все напрасно... Прекратите... — сквозь слезы умоляла дева-змея.

Ее тихий плач ядовитым змеиным шипением отозвался в его сознании, пробуждая в глубине истерзанного духа темную, зловещую ярость.

В следующее мгновение Цзюнь Жухэн уже не принадлежал себе — его ладонь мертвой хваткой вцепилась в горло девушки.

Он полностью лишился рассудка. Ведомый лишь безумным гневом, он душил ее с невероятной силой. Дева-змея задыхалась, но не пыталась бороться — лишь смотрела на него глазами, полными слез и скорби.

Цзюнь Жухэн вперил в нее налитый кровью взгляд, силясь разобрать безмолвное шевеление ее губ.

И лишь секунду спустя понял. Она шептала:

«Прости меня».

В тот же миг в его спину вонзилось нечто холодное. Вспышка боли заставила его разжать пальцы. Цзюнь Жухэн покачнулся, отступая на шаг, и завел руку за спину, нащупав рукоять клинка, вошедшего в плоть по самую гарду.

«Меня предало Племя Цяньчэн. Меня предали все три мира».

Цзюнь Жухэн медленно открыл глаза. От шеи к скулам по его коже начали расползаться алые перьевые узоры, стягиваясь к переносице и образуя причудливую, зловещую и в то же время изысканную маску.

Под этой личиной стерлась грань между богом и чудовищем.

Юйсун опомниться не успел. Острые его персикового меча замерло в полувершке от лба пленника, когда от оружия во все стороны хлынула неодолимая сила. Рука даоса онемела, и клинок со свистом вылетел из его пальцев. Кровь залила Юйсуну глаза. Он судорожно утер лицо, но багровая пелена застилала взор вновь и вновь.

Окружавшие алтарь талисманы один за другим сорвались с мест и устремились к даосу. Бумажные полосы плотно облепили его голову, напоминая о жестокой древней казни — клеймении чернилами.

В один миг его лицо превратилось в сплошной кокон.

Через несколько мгновений плоть под бумажным пленом начала таять, точно разъедаемая ядовитой кислотой. От бывшего облика ничего не осталось — лишь обвисшая мертвая кожа обтянула обнажившийся череп. Стук его зубов разносился в наступившей тишине, а из груди вырвался сиплый, похожий на скрежет костей хрип:

— Ду... Духовный демон...

Всполохи молний озарили алтарь, и под грохот бури раздался тяжелый лязг — разбитые кандалы рухнули на каменные плиты.

У подножия храма началась паника.

Вассалы, еще недавно громче всех требовавшие освободить птицу, оцепенели от ужаса. Цзян Цзе в панике пятился назад, срывая голос на истеричный крик:

— Чудовище! Стража, взять его! Немедленно уничтожить!

Очередной удар грома расколол небо. Присутствующие в ужасе застыли, глядя, как освободившийся от оков Цзюнь Жухэн медленно приближается к бьющемуся в конвульсиях Юйсуну. Юноша хладнокровно занес ладонь над его головой.

— Его поглотил Сердечный демон. Он не остановится, пока не прольется кровь, — вкрадчиво прошептал Вэнь Кань. — Ваше Величество, прикажете вмешаться?

Император Вуле ответил с ледяным спокойствием:

— Лишь когда его руки обгаются кровью, у меня будет законное право уничтожить тварь. Да и этот даос давно стал слишком болтлив. Одним строптивым слугой больше, одним меньше — какая разница.

Пальцы Цзюнь Жухэна потянулись к шее Юйсуну. На руке юноши вздулись вены, тогда как

поверженный даос, придавленный тяжестью обращенных против него заклятий, не мог даже шевельнуться.

В окрестных зарослях замелькали многочисленные тени. Сотни гвардейцев Цзиньивэй застыли с натянутой тетивой луков, ожидая лишь сигнала. Тяжелые капли дождя шумно стучали по их соломенным плащам и бамбуковым шляпам. Это холодное, сосредоточенное безмолвие разительно отличалось от царившего на площади безумия.

За плотным кольцом императорских гвардейцев Тушань, лишившийся всех своих духовных сил, медленно приподнял изувеченную лисью морду. Дождь смывал застарелую ненависть с его лица, и в уродливых чертах внезапно проступило странное, почти безмятежное спокойствие.

— Господин... я отомстил за вас... — хрипло прошептал он, одновременно рыдая и безумно улыбаясь. Дыхание его становилось все слабее.

Лицо даоса давно исказила предсмертная гримаса. Почувствовав под пальцами бешеное, паническое биение чужого пульса, Цзюнь Жухэн на долю секунды замер.

И в этот краткий миг воздух пронзил резкий свист летящего клинка.

Чу Яо ударил стремительно и безжалостно. Его выверенное движение было столь безупречным, что сторонний наблюдатель мог бы подумать, будто принц лишь проявил милосердие, избавив даоса от мучений.

Сталь со звоном покинула плоть, оставив несколько багровых капель на подбородке Чу Яо. Он равнодушно опустил взгляд на рухнувший труп Юйсунa. На его губах застыла едва заметная, полная презрения усмешка.

— Господин государственный наставник, довольны ли вы той судьбой, что я вам уготовил? — тихо прошептал он мертвецу.

Император Вуле нахмурился. Он уже собирался взмахнуть рукой, отдавая приказ лучникам, но в этот момент Чу Яо шагнул вперед, заслонив Цзюнь Жухэна собой от нацеленных на него клинков.

<http://bllate.org/book/18274/1750190>